

СЕРИЯ «СИНДРОМ СВИДЕТЕЛЯ»

СИНДРОМ СВИДЕТЕЛЯ

КНИГА ВТОРАЯ

Алиса Верещагина

Алиса Верещагина
Синдром свидетеля. Книга 2
Серия «Синдром свидетеля», книга 2

<https://litres.ru/74384889>

SelfPub; 2026

Аннотация

В оздоровительном центре «Гармония» находят тело известного коуча по позитивному мышлению — в позе для медитации, с тканевыми смайликами, пришитыми к векам и уголкам рта. Судмедэксперт-антрополог Агния Воронова понимает: это не тот же почерк, что в деле, едва не сломавшем её месяц назад, — но пугающе похожий.

Профайлер-консультант Марк Левин должен доказать разницу между способом преступления и его смыслом, прежде чем случайное сходство отправит следствие по ложному следу.

Стажёр-фотограф Соня Зимина документирует расследование для блога «свидетели, а не зрители» и находит неожиданного друга — сына первой жертвы, музыканта, который не скорбит по отцу и знает почему.

Чтобы найти убийцу, команде предстоит применить арсенал практической психологии — от анализа лингвистических маркеров лжи до географического профилирования — и

обнаружить: за каждым преступлением стоит не монстр, а человек, чьё горе никто не захотел признать настоящим.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Позывной «Гармония»	7
Глава 2. Улыбка на подиуме	10
Глава 3. Подпись	14
Глава 4. Согласие на кадр	18
Глава 5. Список	22
Глава 6. Запах увлажнителя	26
Глава 7. Голос из холла	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Синдром свидетеля. Книга 2

Предисловие

Блог «свидетели, а не зрители», запись, опубликована с разрешения всех упомянутых лиц

Надежда и её имитация выглядят почти одинаково. Обе улыбаются. Обе обещают, что будет лучше. Разница проявляется только в одном месте — в теле человека, который в это поверил.

Настоящая надежда снижает кортизол медленно, через месяцы маленьких побед. Имитация надежды даёт мгновенный укол дофамина и требует дозу за дозой — как любой наркотик, только легальный, упакованный в обложку с закатом на ней.

Я больше не фотографирую горе анонимно. У этой истории есть имена, и все, кто в ней назван, знали, что я пишу об этом, прежде чем я написала хоть строчку.

Она началась с улыбки, пришитой к мёртвому лицу. И с вопроса, который мы задавали себе всю дорогу до посёлка с ласковым названием: что происходит с человеком, которому двадцать лет объясняли, что его боль — это просто неправильная визуализация?

Я не знаю пока, чем это закончится. Я знаю только, что зеркало, в которое нас заставили посмотреть, не искажало. Оно показывало ровно то, что там было.

Глава 1. Позывной «Гармония»

Голосовое сообщение, Соня → Лёша, 06:14

«Привет. Ты, наверное, спишь ещё, у вас же по расписанию до восьми подъём вообще нет смысла... Короче. Нас снова выдёргивают. Хвостов позвонил вчера в одиннадцать вечера — три часа на машине, какой-то посёлок Сосновые Дали, оздоровительный центр с названием, от которого у меня уже сводит зубы — «Гармония». Коллега его коллеги, я запуталась в этой цепочке, сказал — почерк похож. На наш. На «Меридиан». Я не хочу, чтобы было похоже, Лёш. Я хочу, чтобы это оказалось разбитым фонарём и параноидальным следователем. Ладно, всё, машина подъехала».

Она отправила сообщение и сразу пожалела о последней фразе — слишком нервной, слишком похожей на то, как она говорила месяц назад, до того как научилась хотя бы иногда не извиняться за собственную тревогу вслух.

За окном машины тянулись поля, потом лес, потом снова поля — привычная осенняя графика средней полосы, серая и честная. Марк сидел впереди, рядом с водителем, крутил в пальцах незажжённую самокрутку с травяным сбором — привычка занимать руки, чтобы не занимать голову. Агния читала на планшете какую-то статью о дерматологических маркерах, подсвеченную холодным белым светом экрана, — единственным холодным пятном в машине, где остальное

было тёплым осенним золотом раннего солнца.

— Стоцкая сказала «зал собраний», — произнёс Марк, не оборачиваясь. — Стекланные стены, скамьи полукругом. Она сама заметила рифму с актовым залом «Меридиана», прежде чем мы успели.

— Совпадение архитектуры — не совпадение почерка, — сказала Агния, не поднимая глаз от планшета.

— Именно это я ей и скажу. Через час. Если она вообще станет меня слушать.

Соня достала телефон и открыла черновик нового поста для блога — она уже месяц как переименовала его в «свидетели, а не зрители» и теперь мучилась вопросом, как документировать чужую боль этично, если сама ещё не знает, что там впереди. Она набрала первую строчку: «Мы ехали туда, где, возможно, никто не умер». Стёрла. Написала: «Каждая новая точка на карте начинается с надежды, что это ошибка». Оставила.

Телефон Хвостова, лежавший на подставке у водителя на громкой связи, зазвонил, когда до Сосновых Далей оставалось, по навигатору, семь минут.

— Стоцкая, — сказал водитель, включая динамик.

Голос следователя был резким, деловым, без предисловий:

— Мы на месте, машина СК уже здесь. Слушайте внимательно — администратор центра, женщина по фамилии Гущина, открыла зал для медитаций утром, для проветривания

перед сессией. Она сейчас на линии, я сейчас перевожу звонок вам заодно, чтобы вы услышали живьём, а не в пересказе.

Раздался щелчок, и голос сменился — женский, задыхающийся, с той рваной интонацией, которая появляется у человека, ещё не понявшего до конца, что именно он видит.

— Он сидит... сидит в позе для медитации, на подиуме, лицом к скамьям... у него на лице... на глазах что-то пришито, я не могу... это ткань, это смайлики, кто-то пришел ему улыбки прямо на...

Голос сорвался коротким вскриком, а следом — тишина. Не пауза, не молчание задумавшегося человека. Обрыв связи, глухой и полный, будто трубку выбили из руки или отключили сознательно.

— Гущина? — рывкнула Стоцкая где-то на заднем плане записи. — Гущина, ответьте!

Машина уже сворачивала к воротам с деревянной вывеской «Гармония», буквы на которой были выведены нарочито тёплым, закруглённым шрифтом — таким, каким пишут слово «уют» в рекламных брошюрах. Соня почувствовала, как холодеют пальцы, сжимающие камеру, — привычный жест, который она делала перед каждым местом, где заканчивалась чья-то жизнь.

Тишина в динамике всё не заканчивалась.

Глава 2. Улыбка на подиуме

Зал для медитаций центра «Гармония» был спроектирован так, чтобы внушать спокойствие: стеклянные стены во всю высоту, деревянные скамьи полукругом, обращённые к невысокому деревянному подиуму в центре. Утреннее солнце проходило через стекло почти беспрепятственно, и криминалисты, расставившие свои синеватые лампы по периметру, выглядели в этом свете странно — как люди, принёсшие холод туда, где его никто не заказывал.

Агния присела перед подиумом, где в позе лотоса сидел Аркадий Дмитриевич Гольцов — сорок семь лет, если верить документам администратора, спина прямая, руки на коленях ладонями вверх, как на буклетах его собственного центра. Только лицо было другим, чем на буклетах.

К векам, поверх кожи, были прихвачены двумя-тремя стежками тканевые кружки — жёлтые, с вышитыми кривыми улыбками, как эмодзи из телефонного меню, только объёмные, матерчатые, наивные до тошноты. Такие же — в уголках рта, растягивающие мёртвые губы в невозможную, слишком широкую улыбку.

— Точечные проколы, поверхностные, — сказала Агния вслух, диктуя себе на запись. — Не вглубь дермы. Хирургическая игла, тонкая нить. Кровотечение обильное, но локальное — характерный узор, похожий на... — она подбира-

ла слово секунду, что было ей несвойственно, — на конфетти.

Один из криминалистов присвистнул сквозь зубы.

— Как в гимназии.

— Не как, — ответила Агния. — Похоже внешне. Дальше расходится.

Она развела веки покойного — без сопротивления тканей, без той характерной жёсткости, которую она помнила по делу Свиридовой. Роговица не была повреждена инструментом фиксации, потому что никакого инструмента фиксации не потребовалось.

— Век никто не расширял силой, — сказала она. — Смайлик пришит прямо к коже века. Значит, глаз в момент шитья был закрыт естественным образом, а не насильно раскрыт для просмотра чего-либо.

Она перешла к рукам — идеально расслабленным, без напряжения в суставах, без характерного окоченения хватки, которое остаётся, когда человек в последние секунды пытается за что-то держаться.

— Ни борьбы, ни попытки закрыться, ни защитных повреждений на предплечьях, — продолжила она. — Поза сохранена анатомически неестественно долго для человека без мышечного тонуса. Это означает: он не был обездвижен параличом. Он сохранял тонус мышц, но не контролировал их произвольно.

— То есть? — спросил криминалист.

— То есть он не мог сопротивляться не потому, что тело отключилось, а потому, что не понимал, что нужно сопротивляться, — Агния произнесла это медленно, впервые за утро позволив себе паузу перед выводом. — Диссоциация, а не паралич. Он, возможно, был в эйфории. Возможно, улыбался сам, пока ему пришивали ткань поверх собственной улыбки.

Она замолчала, глядя на застывшее, растянутое в гротескную радость лицо мужчины, которого месяц назад миллион подписчиков в интернете называли «человеком, научившим их не бояться диагнозов». Мысль была неуместной, не клинической — она отогнала её тем же движением, каким отгоняла обычно всё, что не относилось напрямую к тканям и цифрам.

— Под ногтями правой руки — инородный биоматериал, — сказала она, аккуратно доставая тонким инструментом чешуйку эпидермиса, серовато-белую, слоющуюся. — Не его собственная кожа. Гиперкератоз. Утолщение рогового слоя, характерное для хронического дерматологического процесса.

— Псориаз? — спросил кто-то из группы.

— Похоже. Тяжёлая форма, судя по толщине чешуек. — Агния поместила образец в контейнер, подписала маркером дату и номер дела. — Он не сопротивлялся убийце физически. Но что-то произошло между ними — контакт достаточно активный, чтобы под ногтями остались чужие клетки.

Она подняла взгляд на стеклянные стены, за которыми виднелись коттеджи, сосны, деревянная дорожка, ведущая к дальнему корпусу с надписью «Спа и термы». Место, спроектированное продавать людям иллюзию контроля над собственным телом — то же самое, чем полжизни занимались её собственные родители, только по-другому.

— Найдите список персонала с дерматологическими диагнозами, — сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь. — И начните с хосписов и клиник, с которыми сотрудничал центр. Судя по обстановке, это не спонтанное преступление.

Глава 3. Подпись

Вероника Игоревна Стоцкая оказалась женщиной без единого лишнего движения — коротко стриженные тёмные волосы, взгляд, который она держала на собеседнике на секунду дольше приличного, будто взвешивала, стоит ли доверять уже сказанному. Она сидела через стол от Марка в переговорной администрации центра, скрестив руки, и слушала его с той демонстративной терпеливостью, с которой люди слушают продавцов, зная, что покупать не будут.

— Хвостов рекомендовал вас как «того самого психолога с прошлого дела», — сказала она. — Учтите, я читала материалы. Впечатляет. Но я привыкла работать с тем, что можно положить на стол — отпечатки, баллистику, токсикологию. Не с догадками о внутреннем мире убийцы.

— Я не гадаю, — ответил Марк спокойно, без обычной иронии, которую обычно включал первой минутой знакомства. — Я читаю паттерн. У вас два похожих дела с разницей в месяц и в три часа езды. Способ инсценировки — помещение для собраний, тело выставлено на возвышении. Это совпадает с делом Льва Рудина внешне. Но *modus operandi* и подпись — не одно и то же.

Стоцкая чуть подалась вперёд, впервые с начала разговора проявив что-то похожее на интерес, а не терпение.

— Поясните.

— МО — это то, что убийце нужно для успешного совершения преступления. Способ обездвигнуть жертву, выбор помещения, время. Это можно скопировать из новостей, прочитать в деле, если оно попало в утечку. А подпись — это то, что убийце не нужно для функционального успеха преступления, но психологически необходимо. Смайлики на лице Гольцова функционально бессмысленны для смерти. Диссоциативный препарат, а не парализующий, — тоже не функциональное решение, это выбор с личным смыслом. Вот это не копируется. Это подпись.

— И что она говорит?

— Пока — недостаточно, — признал Марк честно. — Но она говорит, что этот человек не хочет, чтобы жертва испугалась. Он хочет, чтобы она улыбалась, пока умирает. Это не про подчинение чужой воли, как было в «Меридиане». Это про... исправление лжи чужой улыбкой.

Стоцкая долго молчала, глядя в окно переговорной, за которым виднелся тот самый зал со стеклянными стенами.

— Мне это не нравится, — сказала она наконец. — Не потому что вы неправы. Если вы правы, дело только начинается.

— Именно, — сказал Марк.

— Утром жду вас с чем-то конкретнее слова «подпись», Левин, — бросила она уже у двери.

Гостиничный номер в единственной приличной гостинице посёлка встретил Марка тем самым холодным синим све-

том настенной лампы, который он не выбирал, но который каждый раз узнавал как знакомую декорацию собственной тревоги. Он сел в кресло у окна, достал из чехла компактный ЭЭГ-обруч — три электрода, беспроводной модуль, приложение на телефоне, которое рисовало кривую его мозговых волн в режиме реального времени зелёной линией на чёрном фоне.

Он закрепил электроды на лбу и висках, включил протокол дыхания — четыре секунды вдох, пауза, шесть секунд выдох — и уставился в экран, где кривая альфа-ритма подрагивала неровно, чаще, чем ему хотелось признавать.

«Дело пахнет матерью, потерявшей ребёнка», — подумал он, не зная пока ни одного факта, который бы это подтвердил, только запах чего-то знакомого в самой конструкции преступления. Он задышал медленнее, наблюдая, как амплитуда на экране начинает выравниваться, тета-волны едва заметно нарастают — верный знак, что тело соглашается на покой раньше, чем разум.

Телефон завибрировал в одиннадцать вечера. Хвостов.

— Не сплю ещё, — сказал Марк вместо приветствия.

— Заседание по делу Рудина назначили на декабрь, — сказал Хвостов устало. — Прокуратура хочет твоё заключение по профилю в письменном виде.

Марк выслушал детали, кивая в пустоту номера, отвечая коротко, профессионально — и только после того, как разговор закончился и экран телефона погас, заметил, что кри-

вая на приложении ЭЭГ дёрнулась резким пиком, будто по ней прошёл разряд. Он посмотрел на собственные руки — они чуть заметно дрожали, хотя голос, которым он говорил с Хвостовым минуту назад, был абсолютно ровным.

Он не ожидал, что имя Льва Рудина, произнесённое вслух через месяц, ударит его так, будто дело так и не закончилось для него самого.

Глава 4. Согласие на кадр

Голосовое сообщение, Соня → Лёша, 21:02

«Смешно, но сегодня я впервые за два года блога официально попросила разрешения снимать. Прямо словами: «Можно?» И мне сказали «да». Администратор центра, женщина, которая нашла тело, — представляешь, она в шоке, но всё равно согласилась, сказала, что хочет, чтобы люди видели, во что превратилось это место, а не только глянцевого буклеты. Я стою в холле с камерой и чувствую себя... не знаю. Взрослой, кажется. Ладно, дальше расскажу, тут кое-что случилось».

Центр «Гармония» изнутри выглядел так, как выглядят все места, продающие покой за деньги: беленое дерево, растения в горшках, цитаты на стенах шрифтом без засечек — «Твоя боль — это твой выбор», прочитала Соня и почувствовала, как внутри что-то сжимается неприятно, без слов. Она сфотографировала цитату отдельно — крупным планом, зная, что этот кадр однажды окажется в статье, которую она напишет.

Молодой человек у стойки регистрации ждал, пока сотрудница закончит разговор по телефону, — высокий, худой, в чёрной куртке, явно не по погоде лёгкой, с наушниками на шее вместо украшения. Он не был похож на гостя центра. Он был похож на человека, которому здесь физически неприятно.

но находиться.

— Вы Лин? — спросила Соня, узнав его по описанию, которое дала Стоцкая перед выездом.

Он посмотрел на неё с усталым, тренированным равнодушием.

— Сын покойного. Забираю его вещи из кабинета, раз уж следствие наконец разрешило.

— Соня. Я документирую... — она поискала слово, — происходящее. Для блога, с согласия всех, кого снимаю. Вас я не буду фотографировать без разрешения.

— Валяйте, снимайте что хотите, — сказал он с той же ровной интонацией. — Мне всё равно, как это будет выглядеть.

Она не стала снимать. Просто пошла рядом, когда он направился по коридору к кабинету отца, — коридору с фотографиями Гольцова на стенах, на каждой он улыбался одинаково широко, одинаково отрепетированно.

— Вы не выглядите так, будто скорбите, — сказала она прямо, потому что интуиция подсказывала: с этим человеком вежливые обходы не сработают.

— А должен? — он остановился у одной из фотографий, где Гольцов держал микрофон на сцене, лицо сияло уверенностью человека, который знает ответы на все вопросы мира. — Мы не разговаривали три года. Последний раз я видел его на этой самой сцене, где он рассказывал две тысячи человек, как «отпустить негатив».

— Что произошло три года назад?

Он молчал дольше, чем требовалось для обдумывания ответа.

— Ничего особенного. Просто он делал то, что делал всегда, — сказал он и пошёл дальше, но у самой двери кабинета, не оборачиваясь, добавил тихо, почти для себя: — Из-за того, что они сделали с мамой, мне вообще не хотелось приезжать сюда даже на похороны.

Соня не переспросила. Что-то в его тоне подсказывало, что фраза выскочила не по плану, и настаивать сейчас — испортить хрупкое доверие раньше, чем оно успело родиться.

Позже, вечером, сидя на подоконнике гостевого коттеджа, выделенного команде, она включила диктофон.

Голосовое сообщение, Соня → Лёша, 23:40

«Лёш, я хочу сказать прямо, чтобы ты не гадал: мне не нравится Лин в том смысле, в котором ты можешь подумать. Мне нравится смотреть, как человек носит боль без театра. Мне интересно, как это — расти сыном человека, который учил миллионы улыбаться, а сам, кажется, не разговаривал с собственной семьёй. Это не про влюблённость. Это про то же самое, что было у нас с тобой в самом начале — узнавание. Просто хотела, чтобы это было сказано вслух, а не подразумевалось».

Она нажала «отправить» и почти сразу увидела, что сообщение доставлено, но не прочитано. Матвей, брат, тоже не ответил на её вечернее сообщение — второй день, корот-

ко написал только «занят, потом» без единого смайлика, что для него было почти нормой в последнее время, и она не стала придавать этому значения больше, чем оно заслуживало.

Она вернулась к фотографиям дня, отбирая кадры для блога, и остановилась на одном — цитата про боль как выбор, снятая крупно, буквы чуть расплывались в фокусе объектива, будто сама надпись стыдилась собственной уверенности.

Глава 5. Список

Кабинет Гольцова, отданный следствию под временный штаб, был обставлен с той же навязчивой гармоничностью, что и весь центр: светлое дерево стола, керамическая чаша с камнями на подоконнике, диплом коуча по позитивной психологии в рамке рядом с сертификатом об окончании курсов «трансформационного лидерства». Агния разложила на столе распечатки банковской отчётности центра и открыла на планшете архив электронной переписки, извлечённый экспертами из его личного почтового ящика.

— Финансовые потоки чистые внешне, — сказала она, не отрывая взгляда от таблицы. — Но структура странная. Основной доход — от программ длительного пребывания, от четырёх недель. Клиенты — преимущественно люди с онкологическими диагнозами или их семьи.

Марк, сидевший напротив с чашкой кофе, который давно остыл, подтянул к себе стопку распечатанных писем.

— Он вёл переписку лично, — сказал он. — Не через ассистента. Это важно — значит, эмоциональная вовлечённость была частью его продукта, не побочным эффектом.

Они читали письма вместе, по очереди зачитывая друг другу фразы вслух — метод, который они выработали за месяц совместной работы после «Меридиана», без формального названия, но по сути похожий на первый шаг виктимо-

логического анализа: прежде чем искать убийцу, нужно понять, кем была жертва для тех, кто его окружал.

— Вот, — сказала Агния, останавливаясь на одном письме. — «Уважаемая Марина, я понимаю ваш страх, но статистика — это язык тех, кто научился верить в тело. Ваша дочь способна на большее, чем показывают анализы». Дата — полтора года назад.

— А вот ответ от него же другому адресату, — сказал Марк, — почти дословно та же фраза, другое имя. Это шаблон. Он использовал одну и ту же риторику на разных людях, выдавая её за личное откровение.

Они систематизировали письма по темам, и закономерность проступила быстрее, чем ожидала Агния: не единичные случаи, а серия — семьи, которым он советовал снизить интенсивность или полностью прекратить традиционное лечение в пользу программ визуализации центра. В нескольких случаях — переписка обрывалась резко, без объяснений, будто адресат исчезал из жизни Гольцова так же внезапно, как появился.

— Сколько таких случаев? — спросила Агния, просматривая список выгруженных контактов.

— По грубой оценке — за пять лет, минимум восемнадцать семей с достаточно серьёзными диагнозами, чтобы отказ от лечения имел последствия, — ответил Марк, откладывая распечатку. — Из них мы можем подтвердить летальный исход у семи. Дальше нужно проверять поимённо.

Агния пролистала таблицу с именами — обычные фамилии, обычные истории горя, ничем не выделяющиеся визуально одна от другой. Где-то в середине списка, между строчками с именами родителей и суммами платежей за «программу интенсивной трансформации», мелькнула запись: Ковалёва И. И., плательщик — частное лицо, программа для несовершеннолетнего пациента, статус — «курс не завершён, летальный исход зафиксирован». Агния прочитала строку, как читала десятки других в тот момент — без остановки, без выделения, просто одна из восемнадцати похожих трагедий в таблице, ничем не отличающаяся от соседних.

— Список слишком длинный, чтобы сузить круг сейчас, — сказала она, откладывая планшет. — Нужно смотреть на тех, у кого доступ к фармацевтике, медицинское образование, физическая возможность оказаться здесь в день убийства.

— И на тех, для кого горе не остыло, — добавил Марк, глядя в окно на сосны за стеклом. — Полтора года — не срок давности для родителя. Это вчера.

Агния взглянула на него — что-то в его голосе прозвучало не как профессиональная реплика, а как личное знание, произнесённое чуть тише, чем обычно говорил Марк. Она не стала спрашивать. Некоторые вещи, она уже усвоила за месяц рядом с ним, лучше не трогать словами раньше времени.

— Восемнадцать семей, — повторила она вместо этого,

глядя на список. — Нам нужно превратить это число в одно имя. И быстро.

Глава 6. Запах увлажнителя

Гущина, администратор центра, сидела в переговорной, обхватив руками кружку с остывшим чаем, который никто не заставлял её пить, но который она держала, как держатся за что-то устойчивое в комнате, где всё стало ненадёжным. Марк сел напротив неё не за стол, а рядом, чуть в стороне — первое правило когнитивного интервью, которое он усвоил давно: не создавать барьер мебели между собой и травмированным свидетелем.

— Я не буду спрашивать, что вы видели, — сказал он мягко. — Я попрошу вас вспомнить, что вы чувствовали телом, до того как поняли, что видите.

Гущина посмотрела на него растерянно.

— То есть как?

— Закройте глаза, если хотите. Не пересказывайте события. Восстановите контекст — какой был запах в коридоре, когда вы шли к залу утром? Какая была температура? Что вы слышали за секунду до того, как открыли дверь?

Она послушалась, зажмурилась.

— Было прохладно. Я шла со стороны кухни, там пахло кофе... а у самого зала — что-то другое. Сладковатое. Ненормально сладковатое, как будто духи, только более химическое.

— Хорошо. Продолжайте. Что вы слышали?

— Гудение. Тихое. Я подумала, что это вентиляция, но... — она открыла глаза, посмотрела на Марка удивлённо, будто деталь всплыла сама, без её участия, — это был увлажнитель воздуха. Я вспомнила — он стоял в углу, работал, хотя мы его никогда не включаем перед сессиями, только зимой, когда очень сухо.

Марк не торопил её, дал паузе повисеть.

— А теперь другое упражнение, — сказал он. — Представьте, что вы не входите первой. Представьте, что кто-то входит после вас — например, я. Опишите то, что я увидел бы, глазами человека, который уже знает, что там тело, но входит впервые.

Гущина задумалась, впервые за разговор — искренне, а не защитно.

— Вы бы сразу увидели свет, — сказала она медленно. — Солнце уже поднялось, било прямо через стекло на подиум. Вы бы увидели его силуэт против света, прежде чем разобрали детали лица. И только подойдя ближе... — она замолчала.

— Не нужно договаривать про лицо, — сказал Марк. — Расскажите обратный порядок — что произошло за минуту до того, как вы вошли в зал утром. Не в момент, когда вы увидели тело. Раньше.

— Я разговаривала по телефону с поставщиком полотенец, — сказала она, и в голосе прозвучало лёгкое, почти виноватое удивление тем, насколько банальной была последняя нормальная минута её жизни. — Обычный разговор. По-

том я положила трубку и пошла открывать зал для проветривания, как каждое утро.

Марк аккуратно поблагодарил её, дал знак сотруднику увести её для чая в тишину, и, когда дверь закрылась, повернулся к сидящей в углу переговорной Стоцкой, которая всё это время молча наблюдала, скрестив руки.

— Увлажнитель, работавший без причины, — сказал он. — Возможный путь введения препарата — аэрозольный, если это связано с запахом. Стоит проверить фильтр устройства на остаточные следы.

— Уже проверяем, — сказала Стоцкая суховато, но без прежнего скепсиса в голосе. — Признаю, метод дал деталь, которую мы бы упустили. Она бы никогда не вспомнила про увлажнитель, если б я просто спросила «что вы видели».

— Люди помнят контекст лучше, чем травму, — сказал Марк. — Травма стирает детали вокруг себя, как яркий свет стирает контуры на фотографии. Нужно вернуть человека в темноту вокруг вспышки, чтобы увидеть, что там было.

Телефон Стоцкой зазвонил прежде, чем она успела ответить. Она взглянула на экран, нахмурилась, ответила коротко — да, да, когда, — и, закончив разговор, посмотрела на Марка с тем выражением, с которым люди сообщают новость, ещё не решив, насколько она плохая.

— Полина Гольцова, — сказала она. — Бывшая жена, совладелица центра. Не отвечает на звонки третий день. Родственники решили, что она просто уехала отдохнуть от жур-

налистов. Я послала людей проверить её дом.

Марк почувствовал, как что-то внутри, ещё вчера казавшееся ему просто рабочей гипотезой, обрело вес и скорость, с которой уже нельзя было медлить.

Глава 7. Голос из холла

«Соня, привет. Записываю в машине, у школы, темно уже. Я тебе не рассказывал — сегодня контрольная по физике, и я на автомате решил последнюю задачу твоим способом, ну, "сначала посмотреть, потом решать". Работает не только с фотографиями, оказывается. Как твой центр? Звучит холодно в переписке — прости, что я мало пишу, тут завал с итоговыми. Скажи Лину, что я как-нибудь тоже хочу послушать его музыку, если он не против».

Соня прослушала голосовое три раза, сидя на подоконнике в холле «Гармонии», где через стеклянную стену было видно, как садится солнце — плоское, оранжевое, без единого облака, что делало пейзаж центра почти неприлично открытым для места, где неделю назад нашли труп.

Лин сидел напротив, на диване, обитом тем же скандинавским льном, что и весь остальной интерьер центра — вежливая, стерильная роскошь. Он крутил в пальцах зажигалку, не курил, просто крутил.

— Твой парень? — спросил он, не поднимая глаз.

— Мой друг, — сказала Соня и удивилась, с какой лёгкостью это вышло. — Не парень в смысле «пара». Мы вроде... идём в одном направлении, но по разным дорогам. Так странно объяснять.

— А я похож на конкурента? — Лин наконец усмехнулся,

впервые за день — коротко, без тепла, но без злобы. — Не переживай. Я не в счёт. Мне вообще люди тяжело даются, а тут ещё и вот это всё.

Он обвёл рукой холл — фикусы в горшках, доску с цитатами Гольцова на входе («Счастье — это решение, а не событие»), приторный аромат из диффузора.

— Мне нужно, чтобы ты это понял сразу, — сказала Соня. — Ты мне интересен не как... не в этом смысле. Мне интересно, как ты выжил в семье, которая продавала улыбки за деньги, а сам не улыбаешься вообще. Это профессиональное любопытство. И человеческое. Но не то, о котором ты подумал.

Лин посмотрел на неё дольше, чем требовал ответ.

— Спасибо, что сказала прямо, — произнёс он наконец. — Меня все вокруг всю жизнь боятся напрямую спрашивать. Отец обожал недоговаривать. Считал, что прямота — это негативная энергия.

— А мать?

— Мать умеет улыбаться сквозь что угодно, — сказал он, и в голосе появилась та особая, отшлифованная годами горечь, с которой говорят о людях, которых любят, но не могут уважать. — Серьёзно. Через что угодно. Я видел её на похоронах бабушки — улыбалась. На разводе с отцом — улыбалась, потому что «сохраняла позитивный фрейм для клиентов». Я думал, это броня. Потом понял — это уже не броня, это просто лицо. Другого не осталось.

Соня достала телефон, но не для съёмки — для заметки, привычка, которую Марк одобрял: фиксировать не кадр, а мысль, пока она свежая.

— Ты сказал в прошлый раз, что был конфликт из-за того, что сделали с матерью, — напомнила она осторожно. — Я не стала переспрашивать тогда.

Лин помолчал, крутя зажигалку быстрее.

— Отец вёл переписку. Личную. С людьми из прошлого — я не знаю точно, с кем, он никогда не показывал. Называл это «архивом благодарности» — типа, письма от людей, которым он помог. Хранил в отдельном ящике стола, под замком, даже от матери. Она злилась. Один раз я слышал, как она кричала на него: «Ты хранишь это, потому что тебе нужно верить, что хоть кому-то ты действительно помог, а не разрушил жизнь». Он не ответил. Просто вышел из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.